

А. Варфоломеев

Это касается каждого: комментарий научных событий

В последние два-три года на слуху у филологов-словесников была предполагаемая, а ныне на неопределенное время отложенная реформа русского правописания (позже получившая более скромное наименование в виде неких «поправок» к ныне действующим правилам). Вопрос остался открытым.

Парадоксально, но широкая общественность довольно вяло реагировала на перспективу изменения правил письменной речи. Хотя всякому должно быть понятно, что в России, в недалеком прошлом стране всеобщей грамотности, эта проблема неизбежно перерастает рамки сугубо академических интересов и приобретает очертания не только прикладного, но и социокультурного масштаба, поскольку реформа – как ее ни называть – непосредственно коснется каждой пишущей и читающей личности.

Видимо, дело в недостаточной исходной информации об этих «поправках», предлагаемых Орфографической комиссией (при Отделении литературы и языка Российской академии наук на базе Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН).

Вчитаемся: «В конце 2000 года... проект новой редакции «Свода правил русского правописания. Орфография. Пунктуация» был выпущен тиражом в 200 экземпляров для служебного пользования... Более 100 экземпляров «Свода...» было разослано в крупнейшие вузы и научные учреждения страны. Отзывов пришло гораздо меньше – около четырех десятков»¹ (здесь и далее курсив наш. – А.В.). Так, через интернет, сообщает нам сегодня о масштабах профессионального обсуждения проекта научный сотрудник ИРЯ РАН. И здесь же ниже «расширяет» эти масштабы: «Одновременно с обсуждением «Свода...» *научной общественностью* возникло стихийное обсуждение в средствах массовой информации, вызванное некоторыми (преимущественно негативными) публикациями и *дефицитом достоверной информации*», – последнее словосочетание возвращает нас к упомянутым цифрам 200 и 100, к четырем десяткам отзывов...

Создание файла-документа с цитированным материалом датировано январем 2003 г. (08.01.03), реформу же собирались осуществить еще летом 2002 года.

Отношение к реформе у деловой интеллигенции нашего региона в 2001 г. – отстраненное, незаинтересованное, вопреки предпринимаемым попыткам завязать разговор на эту тему².

Центр русского языка Калининградского государственного университета при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Содействия), Россия 22 – 23 мая 2003 года проводил научно-практический семинар «Кирилло-мефодиевская традиция в русской словесности». И далеко не случайно одним из заметных событий этого семинара стал круглый стол «Реформа орфографии: за и против».

Проблему обсуждали компетентные московские специалисты – профессора Л.А. Илюшина и А.М. Камчатнов, доцент А.В. Григорьев, а также профессионально заинтересованные лица из Калининграда – ректор КГУ А.П. Клемешев, проф. Г.И. Берестнев, проф. С.С. Ваулина, доц. А.П. Варфоломеев, ст. преп. И.Н. Лукьяненко, учителя-словесники, представители областной администрации и органов управления образованием, журналисты.

Ведущий – декан факультета славянской филологии и журналистики КГУ Н.Г. Бабенко.

Представляется уместным воспроизвести в виде сокращенной стенограммы и с минимальной редакцией наиболее существенные реплики, прозвучавшие за круглым столом.

Н.Г. Бабенко

– Приступим к обсуждению обозначенной проблемы. Тезисы выступления профессора Александра Михайловича Камчатнова будет целесообразно рассматривать как совокупность вопросов для разговора за нашим круглым столом.

А.М. Камчатнов

– Странное дело – реформа орфографии. Казалось бы, сугубо академичное, научное, но этот вопрос всегда вызывает большое оживление среди самых широких слоев населения, мало кто остается равнодушным к этой проблеме: ее обсуждают и учителя, и все культурные люди, само собой, научные работники, преподаватели вузов. Короче говоря, нет такого человека, кто не был бы затронут этой проблемой. Я думаю, что причина такого интереса заключается в ее многоаспектности. Реформа орфографии затрагивает собой не только научный, лингвистический аспект, но и целый ряд других. С них и начну.

Важным аспектом русской орфографии является аспект *политический*. В современных условиях мы должны констатировать, что *русская нация является разделенной*. Недавно этот вопрос поднимался в Государственной думе – Рогозин вносил законопроект о признании русской нации разделенной. Но проект не прошел, хотя факт очевидный – русская нация является таковой, поскольку русский народ, являющийся основным носителем русского языка, ныне проживает на территории разных, уже суверенных государств.

И вот вопрос: не скажется ли реформа русского правописания в границах современной России отрицательным образом на десятках миллионов русских, что живут за ее пределами (Казахстан, Украина и др.)?

Второй аспект – *экономический*. Кому, собственно, выгодна реформа орфографии? Ведь новая редакция «Свода...» – это все равно «реформа», так как меняется именно форма.

Следующий аспект – *педагогический*. Не секрет, что реформа 1917 – 1918 гг. была начата отнюдь не Академией наук, а Педагогическим обществом при Московском университете, а также рядом военных учебных заведений – они инициировали этот вопрос и поставили его перед АН, но ее позитивный вердикт не прошел в те годы из-за противодействия культурной элиты русского общества, церкви и самого государя императора.

В обоснование реформы был выдвинут тезис: нужно упростить орфографию для того, чтобы наши школьники стали наконец-то грамотными.

Возникает вопрос: достигла ли та реформа этой цели? Стали ли наши школьники более грамотными?

Другая сторона вопроса: а принесет ли нынешняя реформа что-то позитивное в нашу школу, станут ли уже наши дети более грамотными?

Еще один аспект, который я назвал *эдиционным*, не книгоиздательским, а именно эдиционным. Под этим аспектом я разумею прежде всего принципы издания русской классической литературы. Как ее издавать? Издавать ее по старой орфографии (с ятями, с фитой...), переводить ли на новую орфографию, что здесь теряем, что приобретается? И такого рода вопросы возникают.

Предлагаю и это обсудить. Или, может, нужно ввести два типа издания: одно дело – академическое, другое – массовое, школьное издание. Каково вообще должно быть отношение культурного человека к разным типам письма: к церковнославянскому письму, к старорусской орфографии и к современной орфографии?

В этой реформе орфографии есть и аспект, собственно говоря, *лингвистический*. На каких принципах будет основываться реформа?

Возможны два принципа реформы орфографии. Один исходит из, как я называю, «*презумпции зрения*», из того положения, что письмо существует, главным образом, для глаз. И полезна ли была реформа 17 – 18 гг. для глаз? А вторая точка зрения на орфографию исходит из того, что она является отражением звукового характера нашего письма, *отражение звучащей речи*, и тогда сами принципы орфографии должны при реформировании меняться.

Вот такова, на мой взгляд, совокупность проблем, возникающих, когда задумываешься о реформе орфографии.

А.П. Варфоломеев

– В кругу тех вопросов, которые обозначил Александр Михайлович, я не могу выбрать для себя какой-то один, потому что меня волнуют все. Это некоторый комплекс, реформа орфографии или поправки правил ор-

фографии, – это системное явление. И тронув один элемент системы, невольно нарушаешь взаимодействие всех остальных.

Хочется в таком вольном стиле с социальной точки зрения спросить: кому выгодно проведение реформы и для кого вредно? Зачем она?

Кому вредно, мне кажется, ответ однозначный: вредно всем. Худо ли бедно, но с имеющейся моделью орфографии Россия пока еще остается страной почти всеобщей грамотности. С учетом нескольких миллионов беспризорных детей, не посещающих школу...

Кому полезно: у меня совершенно отчетливый на это дело взгляд. Полезно (выгодно) тем, кто будет переиздавать все школьные учебники, все существующие словарные и справочные издания, а в конце концов все, что похоже на книгу. Голая прагматика, мягко выражаясь.

Никакого «переходного периода» – такой вариант намечался – не будет. Якобы года два мы сможем иметь и то, и другое. Но никакой государственный чиновник или бизнесмен в силу своего реноме не допустит, чтобы секретарь писала документы по каким-то уже отсутствующим правилам.

Думаю, не только мне придется эту тему развивать.

С лингвистической стороны, волнует вот что. Одной из присутствующих здесь – это Н.Г. Бабенко – было сказано: «Вот есть некая орфографическая пропасть, так мы будем ее усугублять, углублять или как-то останемся жить с этой ямой, может быть, до лучших социальных времен?». Мне кажется парадоксальной такая вещь: если мы сегодня реформируем орфографию, то уже завтра многие из вас, и я в том числе, снова захотят реформы орфографии, потому что в рамках нашей сегодняшней орфографии сосуществуют три взаимоисключающих принципа: *фонетический*, *морфологический* (хотя он, конечно, морфемный) и *традиционный* (исторический) – это знает любой наш студент-филолог первого курса. По какому принципу ни проведете эту реформу – все равно останутся недовольные, которые предпочитают какой-то другой.

Мало того, существует ли один-единственный принцип орфографии, если сама орфография, насколько я вспоминаю, состоит из пяти частей? Это пять типов написаний, или пять групп правил, у каждой из которых есть свой принцип порождения. Например, слитные и полуслитные написания диктуются вовсе не тем принципом, который главенствует в основной части орфографии – буквенное обозначение звукового состава слов. Или употребление прописной буквы и т.д. А у нас все это как-то вместе получается.

Для меня вопрос остается открытым. И хорошо, что реформа отложена.

Л.А. Илюшина

– Можно многое сказать по этому поводу. И мне трудно отобрать главное. Во-первых, я начну с ближайшего момента – по поводу принципов русской орфографии. Конечно, никто никогда не говорил о том, что нашу орфографию нужно подчинить одному принципу. Действительно, в нашей орфографии сосуществуют несколько принципов.

Фонетического письма у нас практически нет.

Основной принцип – это морфологический, или фонологический. Морфологический вытекает из фонологического. Морфологический предполагает тождество морфем. Поэтому тот, кто говорит, что наша орфография должна отражать фонемный состав языка, – прав. И ни в коем случае представители этого направления не говорят о том, что в этом случае речь не идет о презумпции слуха.

Традиционный принцип восходит к славянскому языку, в котором в ту пору почти не было позиционных чередований. Поэтому письмо возникло как фонологическое, в то же время оно было и фонетическим. И вот традиция нашей письменности сохранила этот старый принцип письма. Причем благодаря в значительной степени церковнославянскому языку, церковнославянской письменности. Если мы обратимся к деловым памятникам нашей письменности XV – XVI веков, то найдем множество тому примеров, то есть в деловой письменности были самые разнообразные написания. Это что касается лингвистического аспекта.

Теперь отношение к реформе как таковой. Расскажу о позиции кафедры русского языка филологического факультета МГУ по этому поводу. Мы полностью разделяем мнение, что нормы и правила русского правописания далеки от совершенства и нуждаются в существенном упрощении и доработке.

Понимая, насколько это тяжелый и неблагодарный труд, мы обязаны оценить предлагаемый проект. Я говорю о проекте 2001 года, попавшем к нам на обсуждение. Появление нового свода правил правописания, как всегда, событие государственной важности, влекущее за собой целый ряд серьезных практических последствий. Оно целесообразно в следующих случаях:

– если в новом варианте существенно изменены и упрощены нормы, действующие ныне;

– если в нем достигнут принципиально новый уровень качества формулировок правил; например, для многих случаев предложены более простые и понятные алгоритмы;

– если в него включены четкие указания, как должны будут писаться новые слова, которые могут в дальнейшем появиться в языке и которые без готовых рекомендаций постоянно будут пополнять и формировать очередные списки исключений. Вот, например, там пытались упорядочить правописание твердого и мягкого знаков. Но рекомендаций, как писать новые слова, которые будут появляться в русском языке с твердым или мягким знаком, нет. Как надо будет писать слова, подобные нынешним *Сантьяго, Ривьера*?

– если в новом своде решается очень важная практическая задача: выделен тот круг норм и правил, которые в первую очередь должны учитываться при оценке степени грамотности.

Ни одна из этих задач не решается в предлагаемом варианте, что ставит под сомнение саму его целесообразность.

Представленный на рассмотрение текст «Свода...» хотя и выигрывает в сравнении со старым, однако значительно уступает тем справочникам, которые реально используются в настоящее время в качестве нормативной основы русского правописания. Предлагаемые изменения норм очень незначительны, формулировки новых правил осложнены по сравнению с традиционными, страдают неполнотой и неточностью.

Таковы были основные положения рецензии нашей кафедры на новый «Свод...».

Отвечу еще на один вопрос: почему возникла проблема создания нового свода правил?

Как известно, наша орфография менялась на протяжении многих веков, в основном подчиняясь изменениям фонетического строя русского языка. Но утратились в XI – XII веках редуцированные звуки, и как-то плавно (для нас плавно, для того периода, наверное, не плавно) редуцированные в корнях слова перестали писаться, никто и не вспоминал, что должно писаться. Точно так же плавно утратились *юс-большой*, *а-йотированный* и *юс-малый*. И с *ятем* в деловой письменности все происходило очень просто: *ять* стал заменяться буквой *ер*. Церковная письменность его сохраняла, и потом при создании нового русского литературного языка буква *ять* осталась в качестве главной, особой буквы для определенных корней слов. Что касается *еров* (теперешние твердый и мягкий знаки), то они тоже совершенно спокойно влились в новую систему орфографического нормирования: твердый знак стал употребляться на конце слова для обозначения твердости согласного, мягкий знак – для обозначения его мягкости.

Мы знаем, что в 80-е годы XIX в. Грот составил свой труд, в котором собрал сложные случаи орфографии и пунктуации и предложил оптимальный вариант. С учетом его предложений реформа 1918 г. убрала из алфавита лишние знаки. Это была серьезная реформа, потому что письмо изменило свой облик и зрительное восприятие написанных слов тоже резко изменилось.

Но свода правил русской орфографии в России все еще не было. Такой свод правил мы создали только в 1956 году. В его предисловии отмечается, что данный свод правил русской орфографии и пунктуации является первым новым сводом и что его правила не могут охватить и исчерпать всей проблемы изолированного, спорного или двойного правописания. Также было указано, что правила свода должны служить основным источником для всех составителей учебников, словарей, специальных словарей, энциклопедий и справочников. Кроме того, там было сказано, что они не являются учебным пособием для школьного преподавания орфографии и пунктуации. Когда эти правила были опубликованы, сразу же стало ясно, что они очень неполные, что языковая практика и практика письма значительно шире изложенного в них. Поэтому сразу же, с одной стороны, на эти правила обрушилась критика, с другой – ученые-лингвисты стали думать, как ликвидировать эти пробелы, как нужно писать слова или ставить знаки препинания в случаях, не прописанных этими правилами.

И сразу же, по свежим следам – дискуссия в Институте русского языка. Она длилась два года, материалы этой дискуссии (с очень резкой критикой правил) были опубликованы в журнале «Русский язык в школе» в 1962 – 1963 годах. Стали готовить реформу 1964 – 1965 гг.

Тогда, благодаря усилиям прессы и протестам общественности, предлагаемая реформа не была одобрена.

Но была издана очень хорошая книга «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии» (1964 – 1965 гг.) под ред. М.В. Панова. В ней были собраны все предложения по изменению русской орфографии. Причем не только собраны, но и проанализированы. И там хорошо показано то, о чем здесь уже сказал А.П. Варфоломеев: наша орфография представляет собой очень сложную систему – при нарушении одного звена нарушается другое.

Приведу один пример. Всем известно, как трудно ребятам запоминать 7 глаголов на *-ить* и 4 на *-ать*, которые относятся к первому спряжению. Было сделано предложение сделать их глаголами первого спряжения и писать (они *дышат*, а ты *дышишь*, соответственно они *смотрют* и *видют*).

Было очень серьезное обсуждение подготавливаемой реформы, было создано большое количество научных работ с предложениями способов все-таки закрыть те лакуны, те сложности, которые обнаружились в правилах 1956 г. В результате появились какие-то дополнения, разъяснения – они спонтанно получились – к правилам 1956 г. И вы знаете, что одним из самых авторитетных справочников по орфографии и пунктуации стал справочник Розенталя для работников печати, на этот справочник мы все ориентируемся. И редакторы при обработке текста, и корректоры, и мы в своей преподавательской практике при оценивании школьных сочинений.

Поэтому сейчас вопрос о реформировании орфографии и пунктуации в принципе не стоял. Что же возникло? В Институте русского языка АН стала работать комиссия по разработке нового свода правил. Точнее, не нового, а с названием «Свод правил по орфографии и пунктуации (2-е издание)». В проектируемый свод составители внесли формулировки тех правил, которыми мы сейчас пользуемся. И ряд изменений. Три из них на слуху: *парашот*, *брошюра*, *жюри*. Предложили *парашут с брошурой*, но оставили *жюри*.

Точно так же были какие-то предложения «упорядочить» использование двух букв *н*, дефисное, слитное и раздельное написание слов.

Это было в 2001 году. Предложения непоследовательные, нарушают сложившуюся систему. Очень плохо сформулированы сами правила. Получился даже не свод правил, а непонятно что, потому что, с одной стороны, попытка провести научное исследование, с другой – стремление сформулировать правила. Этот свод правил после обсуждения был отклонен полностью.

Впоследствии разработчики предложили иной свод правил, в котором убраны практически все новые изменения. Во втором варианте они оставили все исключения так, как они были. Они оставили все правила правописания одной буквы *н*, даже правописание наречий, наречных сочетаний... Потому что поместить это в какие-то разумные рамки сейчас не представляется возможным.

Поэтому сейчас речь идет не о реформе русской орфографии, а об утверждении новых формулировок старых, действующих ныне правил. *Теоретически проблема реформы орфографии остается*, над этим нужно думать, нужно работать, что-то, может быть, можно и сделать. *Практически же эта проблема снята, ее нет*. Составители уже создали новый текст, мы на кафедре рецензируем его, у нас опять по пунктуации триста замечаний. Это не по сути правил (ставить или не ставить запятую), а по формулировке, по логике изложения материала. И это важно. Тот справочник, которым мы все пользуемся, справочник Розенталя, – ведь он авторитетен, но не узаконен как нормативный документ.

Сейчас хотят заново написать текст свода ныне действующих правил и узаконить его.

А.П. Варфоломеев

– Позвольте существенный вопрос в рамках последнего тезиса. Интересно, какой правовой статус должен быть у документа, который мы назовем «Свод правил»... Почему задаю этот вопрос? Если предшествующая комиссия по орфографии была создана постановлением президиума АН СССР, то нынешняя орфографическая комиссия – распоряжением Отделения русского языка и литературы АН. Это к вопросу о правовом статусе. Нам втихую пытались кое-что подсунуть – к счастью, не удалось.

К слову, об орфографических навыках некоторых весьма авторитетных «реформаторов». Цитирую без комментариев: «Никто не предлагает писать с одним **н** поджаренный бифштекс: в нем останутся два **н**»³.

Л.А. Илюшина

– «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 года были утверждены АН СССР, Министерством высшего образования, Министерством просвещения СССР, то есть весьма солидные организации утверждали тот документ. Новый документ сначала шел не знаю под чьей эгидой, но сейчас этот свод обсуждается в Совете по русскому языку при правительстве РФ. То есть статус повысился.

Н.Г. Бабенко

– Хотелось бы дать небольшую справку. В журнале «Мир русского слова» (РОПРЯЛ) в феврале 2002 г. была опубликована небольшая стенограмма круглого стола, состоявшегося в Институте русского языка им. В.В. Виноградова, «Языковая норма и проблемы ее кодификации». В этой стенограмме – содержательно очень похожей на то, что у нас здесь сейчас происходит – есть интересные сведения.

Речь шла о том, что не совсем понятно, кто должен составлять новый свод правил. Академия наук или какой-то новый коллегиальный орган, чьими силами все должно быть сделано? Во всяком случае, судя по материалам круглого стола, согласия по этому поводу обнаружено не было. Многие ученые из других университетов, иных российских научных и образовательных учреждений сомневались, что академическому институту по силам выполнить необходимый объем работы и предложить совершенно авторитетное мнение.

Еще речь шла о том, что на сегодняшний день мы имеем два орфографических словаря – Соловьева и Лопатина. На титульном листе каждого из них написано: «Российская Академия наук». Оба словаря находятся в противоречии с действующими и не отмененными до сих пор правилами 1956 г. Соответственно, о чем идет речь? О том, что два академических словаря сосуществуют, хотя и противоречат друг другу. Надо думать, они потенциально уже утверждают некую вариативность орфографической нормы. Это вообще вопрос. Мы знаем, что другие нормы вариативны, и это законно, но могут ли орфографические нормы быть варьируемы? Самое главное, где же та основа, которая будет совершенно четко регламентировать орфографическое поведение каждого?

Я правильно поняла, Людмила Алексеевна, если сейчас квалифицировать то, что в докладе сказано, вот это и будет тем законным словом, последним, которое будет снимать какие-то напряжения в этой проблеме?

Л.А. Илюшина

К сожалению, нет. Я сейчас говорила об орфографических правилах и правилах пунктуации. Другое дело – словари, словарный запас.

Правило можно сформулировать. Вот, например, старое правило: если сложное слово составлено на основе равноправных сочетаний, то оно пишется через дефис (факультет, где изучается *физика и математика* – *физико-математический* факультет), а если отношение подчинительное, тогда пишется слитно (*железная дорога* – *железнодорожный*). Это правило. Оно сформулировано. Но когда доходит дело до практики, то оказывается, что в некоторых случаях мы не знаем, как охарактеризовать эти отношения. И так и так можно. Это первое.

Второе. Если говорить о терминах, то оказывается, что в какой-то отрасли знаний не дождалась, пока им скажут, как надо писать, и пишут по-своему.

Поэтому, конечно, словари должны быть. И в этом случае, если взять, например, слова *кровать* и *капуста*, и один академический словарь даст *кровать*, *копуста*, а другой – *кравать* и *капуста*, то это недопустимо. А вот у нас по поводу дефисного или слитного написания оказалось два словаря с разными рекомендациями. Конечно, здесь вина тех, кто составлял словарь. Могу привести такой пример: *церковнославянский* в одном орфографическом словаре (который стереотипно издавался с 1962 г.), а в другом, тоже орфографическом – уже *церковно-славянский*). Поэтому должен быть какой-то один словарь, в котором были бы закреплены нормы написания. А словари должны основываться на правилах, которые должны быть сформулированы очень четко.

Е.Г. Федорова

– Вот часто по телефону звонки поступают, учителя спрашивают, какому последнему словарю верить? Допустим, выражение *дурак дураком*. Где через дефис, где раздельно. Сейчас, когда идут экзамены, на что ориентировать учителей?

А.П. Варфоломеев

– Отослать к словарю «Слитно или раздельно» последнего издания.

Н.Г. Бабенко

– Давайте спросим учителей, методистов. Ирина Николаевна, что вы нам скажете из своего опыта?

И.Н. Лукьяненко

– Что касается последнего вопроса по поводу норм написания, которыми я руководствуюсь вообще. Это печатный текст, с которым я работаю и который у меня всегда под рукой. Там и норма.

А тот вопрос, что сегодня обсуждается, – гораздо шире. Потому что и причина неграмотности школьников, мне кажется, намного шире, нежели орфографическая грамотность. Орфографическая грамотность – лишь один из компонентов общей грамотности школьников.

Если рассуждать на эту тему, мне кажется, наша дискуссия может превратиться в дискуссию по иному поводу. Что считать грамотным – свободное высказывание ученика, построенное по законам языка с точки зрения коммуникативности и правильно оформленное или выполнение конкретных орфографических заданий, где ученику предлагается поставить правильно букву в указанное место? Из ряда предложенных ответов выбрать правильный, где он угадает 20 процентов?

А вот если несколько повернуть педагогический аспект сегодняшнего обсуждения, то есть несколько факторов, о которых мне хотелось бы поговорить.

Первый фактор: изучение орфографии в школе носит внесистемный характер, это общее место. То есть орфография поставлена в ситуацию, когда она изучается попутно после прохождения грамматического материала. С другой стороны, нарушение системы – это всегда нарушение системы. И когда мы имеем возможность эту систему как бы «поправить», попытаться свести воедино какие-то орфографические моменты – я имею в виду звено старшей школы, – то, как правило, момент уже упущен.

Неизвестно, насколько понятно учителя объясняют правила и как это ложится на личностную структуру ученика.

Орфография – это не презумпция слуха и не презумпция зрения, здесь *презумпция смысла*. Как ученик это слово видит или слышит и *понимает*.

Потому что в моей практике были такие случаи: «*перьевая* ручка – пишется е» – «Почему?» – «Потому что чередующийся корень, нет суффикса -а, следовательно...». Ребенок знает правило, применяет его, а смысл где?

Или: «*Пристяжная* лошадь – и» – «Почему?» – «От слова *пристиж*, это лошадь, на которой возят важных людей...».

О реформе. Какова же ее цель? Унифицировать правила? Я просмотрела столько примеров... Унификации никакой нет. Что касается упрощения правил, то и его нет.

Поскольку орфография – вещь все-таки языковая, то она основана на языковой традиции, исторической, культурной. Наверное, как всякую традицию, ее нужно лелеять и холить.

Что касается реформы с точки зрения школы. Давайте зададимся вот каким вопросом: а что делаете вы, когда затрудняетесь в написании слова? Вы вспоминаете правило, смотрите в словарь, находите синоним. Да-

вайте по этому пути идти. Я хочу сказать, пускай эта система останется. Давайте оставим школьнику право на ошибку. Ведь грамотный человек – это не тот, который не сделает ошибок, а тот, который знает, где нужно сомневаться, знает, в каком справочнике, словаре, учебнике посмотреть правильное решение. Вот это как раз и есть парадигма орфографической грамотности нашего ребенка.

Пускай это будет система словаря, а детям будем объяснять только то, что потребуются с точки зрения смысла.

Н.Г. Бабенко

– Вопрос нашим методистам и учителям. Желали бы они иметь некий источник (свод, перечень, словник – как угодно можно назвать) тех случаев, которые как раз вот эти «ножницы» между абсолютной и относительной грамотностью как бы отражают, охватывают? Каких-то таких случаев, тупиковых совершенно, в которых невозможно разобраться практически никому. И вот, возможно ли было в принципе – или это совершенно что-то такое фантастическое – очертить некий круг тех самых правил, нарушение которых не влияло бы на то, медальная эта работа школьника или не медальная? Пятерку получит эта работа или нет? Нужен ли такой свод, который обозначил бы орфографически «опасные» места?

И.Н. Лукьяненко

– Конечно, такой словник необходим. Опасны ситуации, когда правило не сможет регулировать языковой факт. Смысл окажется вне этого правила. Пример: охотник ехал по опушке и всматривался *вдаль*. Пишется слитно, потому что нет зависимого слова. Как здесь быть?

Н.Г. Бабенко

– Вот такой факт как раз и нужно считать принадлежащим некоторому *полю толерантности*, скажем, орфографической.

И.Н. Лукьяненко

Но любой словник, мне кажется, не исчерпает всех возможных случаев.

Н.Г. Бабенко

– Не исчерпает, но наметит хотя бы. Вы не зря заговорили о наречиях. Ведь правописание наречий действительно должно меняться по факту развития языка. Раз лексико-синтаксический способ словообразования живой и продолжает творить новые наречия, значит как-то на это орфография должна реагировать. Если она не может реагировать (вследствие своей необходимой стабильности) изменением всего свода, и не нужно это делать, надо работать с такими случаями какими-то другими мерами.

В той дискуссии, о которой я сегодня упоминала, речь шла о французах, их приводили в качестве примера каких-то патриотически настроенных, ничего не меняющих консерваторов. Оказывается, меняющих – у них время от времени выходят какие-то орфографические листы, в которых оговариваются новости в этой области. То есть то, что нам издали кажется совершенно незыблемым, на самом деле подвижно и *естественно* подвижно, французский язык существует в динамике, как и всякий другой.

И вот у меня вопрос к нашим столичным гостям: что-нибудь подобное делается, предполагается или это наша местная, доморощенная фантазия?

Л.А. Илюшина

– Нет, не доморощенная. Сейчас наш факультет вновь включился в работу по обсуждению свода правил, мы активно оцениваем то, что предлагается для утверждения новых формулировок старых правил. После того как будут хорошо описаны наши современные правила, следующая задача состоит именно в том, чтобы выделить основные, обязательные и факультативные написания для оценки знаний.

А.М. Камчатнов

– В продолжение дискуссии хочется сказать несколько слов по поводу принципов орфографии. Мне кажется что здесь присутствует некоторая путаница, смешение понятий. Ведь есть объект орфографической системы русского языка и есть описание этого объекта. Везде принцип орфографии является глубоко традиционным.

Особо хочу поддержать выступление Ирины Николаевны: традиционный принцип нужно холить и лелеять. Слово *семенной* как проверить?

Меня беспокоит, что как некий «уголовный кодекс» будет принят какой-то орфографический закон. Он должен быть рекомендательным по существу. Тем более что некоторые правила должны формулировать допустимые варианты.

Н.Г. Бабенко

– Насколько я понимаю, мы практически сейчас признали, что норма орфографии может быть вариативна. Но эта вариативность должна быть осмыслена, должна быть описана, должна быть охарактеризована, подтверждена исследованиями, в том числе и статистическими, и исторического толка. Я думаю, аспект диахронического подхода, вообще формирования орфографической нормы – чрезвычайно важный аспект.

С.С. Ваулина

– Я хотела бы выразить большую солидарность с тем, что было сказано уважаемыми коллегами, особенно нашими гостями, прежде всего, конечно, Л.А. Илюшиной. Совершенно солидарна в плане того, что те правила, которые мы увидели, по сути эклектика и отсутствие необходимой, в том числе и диахронической системности.

Для чего нужны эти изменения? Или, как говорят более громко, – реформа. В принципе меня устраивает, что я пишу более или менее грамотно. Но меня раздражает, что порой не знаешь, когда писать через дефис, слитно или раздельно. Это та вариативность, которая мне кажется достаточно бессмысленной. Далее, меня раздражает, что периодически надо обращаться к справочникам. Это меня ставит в неловкое положение в течение многих лет: на вступительных экзаменах, вооружившись справочниками, мы проверяем грамотность в изложениях абитуриентов, не имеющих возможности заглянуть в подобное подспорье. Поэтому здесь, естественно, в этом плане делать что-то надо.

Если касаться диахронии – пусть я говорю банальные вещи, – но язык развивается, язык находится в динамике, а норма, правила – это тот свод, который отслеживает ситуацию во времени и фиксирует ее. Что такое литературный язык? Это народный язык, обработанный мастерами. Поэтому отслеживать надо, фиксировать надо. Тем более, что последние правила относятся к 1956 г., прошло почти 50 лет, конечно, за это время язык «сдвинулся» с места и возникли иные тенденции, в том числе и в орфографии.

Когда я что-то прочитала о реформе, то подумала сначала: как хорошо, не будет этого дурацкого *жюри*! Написания, введенного, чтобы поманерничать, показать, что мы приобщены к французскому языку, знаем культуру. А потом смотрю, здесь перевели на букву *у*, а какие-то слова, в том числе и *жюри*, оставили с *ю*. Как экзотические. Почему-то в экзотические слова попала *паранойя*, довольно распространенное явление, почему оно экзотическое? Почему *алилуйя* – экзотическое слово, у многих миллионов православных оно как-то на слуху.

Тут какая-то смысловая непоследовательность. Та эклектика, которая имеется в проекте, просто смешна, нужно менять принципиальные вещи. А те, которые могут быть вариативными, должны и в правилах таковыми быть.

Я полагаю, мы не можем огульно охаивать то, что делается, видимо, все-таки из благих побуждений. Те экономические акценты, о которых здесь уже говорилось, они за кулисами, за сценой, мы на них все равно не повлияем. Они были и останутся. В целом же нужно делу помогать. И сегодняшний разговор, мне кажется, очень продуктивен.

Г.И. Берестнев

– Наш круглый стол посвящен проблеме русской орфографии, прозвучал вопрос: нужно ее менять или нет? Если нужно, то в каких аспектах? На первый взгляд, эта проблема чисто техническая. Значит нужно принять решение, а потом способствовать выполнению его.

Предлагаю взглянуть на эту проблему более широко. Эта проблема нашего языка сходна с проблемой болезни. Когда человек болеет, возникает вопрос, что нужно лечить? Симптомы или саму болезнь? Разумеется, нужно лечить человека. Нужно уметь уничтожить причины заболевания.

Планируя реформы, касающиеся языка, нужно думать в первую очередь о причинах, которые вызывают эти неблагоприятные обстоятельства. Говоря о неблагоприятных «узлах» языка, я хотел бы вот что отметить. У нас главная проблема не с письменной формой речи, а с устной речью. И поэтому нужно направить усилия на излечение нашей устной, а не письменной речи. К числу таких проблем я бы отнес следующее.

Первое: общее снижение нормы. Сейчас мы наблюдаем просто кошмарные явления, даже в СМИ. Несколько примеров. Первый пример, который меня совершенно потрясает. Ток-шоу Отара Кватришвили на канале СТС. Там чисто символически, чисто условно заглушаются все бранные слова. Причем ведущий открыто заявляет, что такова его стили-

стика, на этом он зарабатывает деньги. Какие-то гудочки, которые что-то там якобы прикрывают, а на самом деле все совершенно очевидно. Из этой же области. В интернете я читал заметку о том, что министр печати и средств массовой информации Лесин в своей министерской работе спокойно употребляет эти самые сниженные слова. Я думаю, что многие сталкиваются и с тем, что молодые люди совершенно неприкрыто и не считая это чем-то зазорным употребляют сниженную лексику.

Второй узловой момент в языке. Это активное использование жаргонных слов. Примеров множество. Президентское *мочить в сортире*. Бизнесмены *забивают стрелки, звонят на трубу* или *на мобилу, кидают друг друга, устраивают разборки, делают откаты* и т. д. И вот эта бандитская по своему стилю и характеру речь становится модной и престижной. Этот вопрос однажды обсуждался в программе М. Швыдкого «Культурная революция», в качестве вывода прозвучал тезис: «Давайте все оставим как есть, язык сам разберется». Я не уверен, что нужно оставлять «как есть», тем более, что мы как бы ответственны за это.

Третья узловая точка. Это проблема заимствований. Огромное количество заимствований, и из них только некоторая часть оправданна.

Что касается механизма. Мы, как специалисты, должны помнить, что язык представляет собой моделирующую систему, отражающую и строй, и механизмы нашего мышления. Как мы говорим – так мы и думаем. И обратное верно. Поэтому, воздействуя на язык, мы воздействуем на сознание человека.

Еще один момент, который я собираюсь выделить, – это причины подобной ситуации.

Первая причина – состояние общества, в котором мы живем. И функциональной частью которого является наш язык. В сознании человека существуют общие модели, по которым мы говорим, по которым строим свою мысль и по которым организуем вообще всю свою жизнь. Я говорю о тех гештальтных структурах, которые исследуются на основе данных языка.

Вторая причина – отсутствие необходимой законодательной базы и несоблюдение имеющихся законов.

Изъяны в современном русском языке фрагментарны и относятся к числу принципиально значимых для общества. И если мы в самом деле хотим лечить больного, а не думать о том гонораре, который принесет лечение, то мы должны сосредоточиться на повышении культурного уровня в целом. И таким образом мы исправим язык.

Н.Г. Бабенко

– Мы уже поговорили о лингвистическом аспекте проблемы, и все пришли к единому мнению, что мы против реформы, но мы за то, чтобы изучить все эти пограничные случаи, описать их и облегчить тем самым жизнь учителю и ученику, да и любому желающему писать исключительно грамотно. О педагогическом аспекте так или иначе говорили. По-

литический аспект у нас остался за скобками, отношение к нему совершенно однозначное, понятное, к экономическому также.

Еще один пункт – эдиционный аспект. Ведь чрезвычайно интересна идея издания художественной литературы в той графике и в той орфографии, в тех грамматических особенностях, и уж тогда и в пунктуационных, и синтаксических, какие были в оригинале, в каноническом виде. Насколько это возможно, насколько это целесообразно – это уже касается непосредственно не только лингвистов, но и литераторов, и литературоведов.

В итоге работы участники круглого стола единодушно предлагают рецензентам проекта принять во внимание следующие *рекомендации*:

1. Реформа орфографии – как масштабное изменение ее правил, затрагивающее существующие принципы современной русской письменности, – сегодня нецелесообразна.

2. Совершенно очевидна необходимость издания массовым тиражом обязательного орфографического и пунктуационного минимума для школьников и абитуриентов.

3. Чрезвычайно важно продолжить научную работу над «Сводом правил орфографии и пунктуации», корректирующим имеющиеся противоречия в нормах письменной речи.

4. При подготовке новой редакции «Правил...» необходимо провести широкое профессиональное, а не келейное (в кругу членов Орфографической комиссии или подобном) обсуждение предлагаемых поправок.

5. Механизм этой работы и утверждение ее результатов должны контролироваться Советом по русскому языку при Правительстве Российской Федерации.

Роль комментатора хороша тем, что позволяет взглянуть на состоявшееся событие со стороны, отметить какие-то моменты, не попавшие в поле зрения участников, но тем не менее заслуживающие внимания. Комиссия при Институте русского языка им. В.В. Виноградова, занимающаяся данным вопросом, именуется «орфографической», хотя порождает «Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация». Видятся здесь сразу два, скажем, казуса.

Во-первых, формулируя правила пунктуации, комиссия выходит за пределы компетенции, обозначенной в ее названии, так как классический термин «орфография» не включает в себя значение ‘пунктуация’ (по крайней мере в явном виде)⁴.

Во-вторых, из названия самого «Свода...» неизбежно вытекает неправомерно расширенное толкование термина «правописание»⁵, якобы включающее в себя и орфографию, и пунктуацию... возможно, и еще что-либо.

Конечно, формулировка правил пунктуации также заслуживает обсуждения. Непростого, наверно, и за отдельным круглым столом. Кстати, а как правильно оформить на письме выражение «*круглый стол*»? С кавычками или без?

Обратимся к источнику нормы, рекомендованному нам выше И.Н. Лукьяненко, – к тексту. Причем к тексту, предполагающему авторитетно нормированное письмо. Пусть это будет уже упомянутый научно-методический журнал «Мир русского слова», пусть это будет материал⁶, из которого приводила цитату Н.Г. Бабенко.

В названии и вводной части (с. 15 – 16) выражение *круглый стол* печатается без кавычек. А в заключительной реплике стенограммы и в приглашении к сотрудничеству – уже «*круглый стол*» (с. 31 – 32). Едва ли такие известные филологи, как ректор Санкт-Петербургского университета проф. Л.А. Вербицкая и главный редактор журнала «Мир русского слова» проф. К.А. Рогова, применили там «слова, сказанные иронически»⁷, иного же толкования закавыченного словосочетания что-то не находится.

Это вообще-то особая и по-своему злободневная тема – техническое оформление широко тиражируемого текста. Подчиненный небрежничает – а претензии-то к автору-руководителю. Вот достаточно серьезные тому примеры.

Не так уж давно возник солидный, курируемый Л. Путиной *Региональный общественный фонд «Центр развития русского языка»*. *Региональный* – да в Москве, в некоторых регионах есть только его *представительства*. И можно ли в принципе *развивать* язык?! Понятно, что не супруга президента изобретала название организации.

О создании неких условий *для развития* русского языка говорится даже в Конституции РФ⁸. Но развитие языка не зависит от языковой политики. От нее зависит, разумеется, само его существование. Но не качественная модификация, имеющая интралингвистическую природу.

В официально обнародованном под эгидой Правительства РФ, Министерства образования РФ и Санкт-Петербургского государственного университета кратком словаре-справочнике трудностей русского произношения и ударения⁹ появляется несуществующее слово *эмтет*. В конце написано: «Толкование слов в Словаре не дается». А для слова *трансверт* (ну не обойтись в *кратком* словаре без этого слова!) – почему-то дается.

В целом же впереди – широкое поле деятельности по гармонизации современного русского письма. И свою лепту, безусловно, внесут продуктивные обсуждения необходимых действий за подобными круглыми столами.

¹ Нечаева И.В. <http://www.slovari.ru/lang/en/rls/reforma.html>

² Варфоломеев А.П. По задворкам культуры русской речи // Экономические науки и предпринимательство. Калининград: Изд-во КГУ, 2001. №1. С. 15 – 31.

³ Лопатин В.В. Орфография и пунктуация: обойдемся без паники. http://www.gramota.ru/mag_arch.html?id=35

⁴ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 294 – 295.

⁵ Там же. С. 344.

⁶ Круглый стол: языковая норма и проблемы ее кодификации // Мир русского слова. СПб., 2002. №1. С. 15 – 32.

⁷ Былинский К.И., Никольский Н.Н. Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. М.: МГУ, 1970. С. 149.

⁸ Конституция Российской Федерации. Ст. 68, п. 3.

⁹ Давайте говорить правильно! Трудности современного русского произношения и ударения: Краткий словарь-справочник // Российская газета. 2002. №166. 4 сент.